

обнаруживает в своей семантической структуре антонимические значения: покой — тревога, жизнь — смерть.

Иначе выстраивается содержание слова *сад*, также ключевого и полисемантического, в стихотворении О. Мандельштама «И я выхожу из пространства...»: сад — граница; сад — уединение; сад — размышления, творчество; сад — вечность, возрождение, бессмертие.

Эти наблюдения говорят о том, что в семантической структуре традиционно-поэтического слова одновременно может быть актуализировано несколько культурных и словесно-эстетических ассоциаций, сопряженных воедино и мерцающих друг через друга. Вместе с тем ключевые традиционно-поэтические слова фиксируют уникальность мировосприятия и концептуальной системы автора, активизируя доминантный для нее личностный смысл.

Р. И. Козлов

Уральский государственный университет

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА:

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ КАК ДЕМАРКАЦИОННАЯ ЛИНИЯ

Усиливающееся сближение двух смежных дисциплин — лингвистики и культурологии, обусловленное возрастающим интересом в общему предмету — человеку как субъекту духовной деятельности, порождает многочисленные методологические и более узкие метаязыковые проблемы; одной из ключевых здесь является проблема соотношения языка и культуры.

Ситуация взаимного подчинения предметов, естественная в условиях отсутствия единой методологической и концептуальной базы (ср. понимание культуры как наивысшего языкового уровня, в продолжении иерархии Э. Бенвениста, у Л. Мурзина, и понимание языковой деятельности как одной из составляющих культуры — системы деятельностей — у М. Кагана), сменяется попытками выработать общую модель соотношения языка и культуры, ориентированную на изучение субъекта, т. е. языковой и «культурной» личности. Сама возможность сосуществования в рамках одной научной парадигмы гипотезы Сепира-Уорфа и социолингвистической теории о социокультурном влиянии на формирование индивидуальной языковой системы говорит о существовании значительно более сложных отношений между этими феноменами, нежели это отражено в традиционных толкованиях. Так, вряд ли соответствует современным представлениям порожденная идеями оксфордской школы, в частности Л. Витгенштейна, трактовка культуры как некой (нейтральной) среды, в которой язык функционирует по имманентным

ему законам, до сих пор существующая в лингвистике текста.

Суммируя наименее спорные элементы разнообразных концепций, можно сказать, что как язык, так и культура понимаются одновременно как процесс и продукт духовной деятельности человека. На основании этого весьма общего тезиса можно также утверждать, что язык и культура имеют тождественный модус существования, будь то — в зависимости от метода исследования — «существование в форме текстов» (Л. Мурзин), «система предписаний» и стереотипов, регулирующих семиотическое (и в том числе языковое) поведение (Б. Успенский), знаковые системы (Ю. Лотман) или «объективные системы отражения (Л. Глотова).

Тезис о том, что «человек существует в мире текстов» (Ю. Караулов), ставший общим местом современной лингвистики, может получить различное истолкование. В связи с проблемой, сформулированной в заглавии, уместно привести следующие два: «Услышанные или прочитанные тексты оказывают огромное влияние на формирование человека, в том числе на его язык как устройство для производства, преобразования и понимания текстов» (А. Супрун) и «Культура вообще существует в форме текстов — знаковых произведений духовной деятельности человека» (Л. Мурзин). Обобщая их, можно сказать, что совокупность текстов есть и реализация прежде всего когнитивной и коммуникативной функции языка (если понимать эту совокупность как среду, в которой функционирует и с которой взаимодействует индивидуальная система языка), и результат реализации этих функций.

Одним из «пограничных» явлений, обязанных своим существованием взаимодействию языка и культуры на уровне носителя-индивидуума, следует считать феномен так называемых прецедентных текстов (ПТ), т. е. текстов, имеющих сверхличностный характер, «значимых для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Ю. Караулов).

В настоящем сообщении предложена типология отсылок к ПТ, функционирующих в разговорной речи. Следует прежде всего отметить, что предлагаемый Ю. Карауловым список отсылок, включающий имена авторов и героев художественных произведений, а также их названия, очевидно, затрагивает более широкий круг языковых и культурных явлений; в их числе, например, концептосфера языка: так, включение в дискурс фамилии *Штирлиц* апеллирует не к конкретному тексту как образу «культурного героя», формируемого открытым множеством текстов, в том числе и фольклорных. (Ср. с использованием таких апеллирующих к концептосфере

собственных имен, как *Париж, Волга* и т. д.). Аналогичным образом имя писателя должно актуализировать весь комплекс индивидуальных знаний о его творчестве, возможно, также имеющий концептуальную природу.

В сообщении используется следующее (рабочее) определение ПТ, основанное на функциональных особенностях исследуемого феномена: текст, получивший сверхличностный характер, используемый для проведения аналогии между его денотатом — описываемой им ситуацией — и денотатом порождаемого текста путем включения в новый текст той или иной отсылки к прецедентному, которое позволило разграничить собственно ПТ от разного рода конвенциональных стереотипов, включенных в индивидуальную базу знаний, в том числе так называемых «культурных фактов». Функциональным критерием стало, таким образом, явление цитации. Степень искажения цитируемого ПТ легла в основание предлагаемой типологии:

1) ПТ вводится в дискурс целиком (прежде всего, малые жанры литературы и фольклора); вряд ли возможно называть подобные факты отсылками, однако следует подчеркнуть нетождественность денотатов ПТ и образуемого текста;

2) точная цитата, непосредственно воспроизводящая фрагмент ПТ (*Ну / устроили кавардак / тоже мне / все смешалось в доме Облонских //*);

3) искаженные цитаты (*Между прочим / гений и злодейство несовместимы //*), сохраняющие структуру цитируемого фрагмента, обеспечивающую узнавание;

4) пересказ содержания фрагментов ПТ (*А ты переведи разговор на это самое / на какую-нибудь русскую пианистку / и все / и тогда мы будем помнить только последнюю фразу //*).

Отдельного упоминания заслуживает факт так называемой отсылки (двойная текстовая реминисценция, в терминологии А. Супруна), при которой в дискурс вводятся отсылки различных типов имени писателя и цитаты, имени героя и названия текста и др., менее частотные комбинации (*Он... / как это у Стругацких / торчащая борода с застрявшими крошками //* — *Выбегалло //* профессор *Выбегалло //*).

Данная классификация предлагается не в качестве сколько-нибудь полной, а прежде всего как позволяющая сформулировать ряд проблем (например, каковы конституирующие признаки ПТ, за исключением конвенциональности? Каков языковой и культурный статус ПТ и как отделить их от так называемых вторичных текстов клише и штампов и ряда других смежных языковых явлений?), работа над решением которых позволит уточнить демаркационную линию между языком и культурой, проходящую по уровню текстов.